

СОЦИАЛЬНАЯ АНОМИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ АКСИОСФЕРЫ ПОСТСОВЕТСКИХ ОБЩЕСТВ

О.Ю. Тургенева

*Национальный технический университет Украины
«Киевский политехнический институт имени Игоря Сикорского», Киев, Украина
pacifermann@mail.ru*

В статье проводится переосмысление термина «аномия», предложенного Э. Дюркгеймом и развитого Р. Мертоном, в соответствии с социальными реалиями современного постсоветского общества. Принимая во внимание традиционные трактовки социальной аномии, автор отмечает, что общим в концепциях Дюркгейма и Мертона является то, что состояние «безнормности» интерпретируется ими преимущественно в контексте девиантного поведения. Термин «аномия» использовался, в первую очередь, для изучения причин отклоняющегося поведения, для изучения феномена девиации в широком смысле. Автор трактует социальную аномия как особое состояние социально-культурного пространства, при котором наблюдается значительное расхождение между законодательно зафиксированными нормами и правилами поведения – с одной стороны, и принятым в обществе, социально одобряемым поведением субъектов – с другой. Аномия постсоветских обществ рассматривается как особый социальный феномен, при котором одновременно существуют две ценностно-нормативные системы – официальная (формализованная) и неофициальная, размываются границы социальной нормы и девиации. В статье рассматриваются возможные причины формирования системы социальных ценностей и норм, альтернативных законодательно закреплённым, «формализованным» ценностям и нормам: несформированность системы ценностей в постсоветских обществах, аномичность самого советского общества, несформированная и неотработанная практика соблюдения законов в постсоветском обществе, и, наконец, то, что следование закону в постсоветском обществе не является ценностью. Также в статье предлагаются возможные пути преодоления состояния социальной аномии и формирования новой аксиосферы.

Ключевые слова: социальная аномия; постсоветское общество; аксиосфера; социальная норма; девиация; социальные ценности; государство; гражданин; гражданское общество.

SOCIAL ANOMIE AND ESTABLISHMENT OF AXIOSPHERE IN POST-SOVIET SOCIETIES

O.Yu. Turgeneva

*National Technical University of Ukraine
"Igor Sikorsky Kyiv Polytechnic Institute", Kyiv, Ukraine
pacifermann@mail.ru*

The article features a rethinking of the term "anomie", suggested by E. Durkheim and elaborated by R. Merton, in accordance with the societal realities of the contemporary post-Soviet society. Keeping in mind the traditional interpretations of social anomie, the author notes that it is common in the concepts of Durkheim and Merton that the state of "no-normality" is interpreted by them primarily in the context of deviant behavior. The term "anomie" was used primarily to study the causes of deviant behavior and to study the phenomenon of deviation in a broad sense. The author interprets the social anomie as a special state of the socio-cultural space, when there is a significant discrepancy between the legislatively fixed norms and rules of behavior - on the one hand, and the socially approved behavior of the subjects on the other. The anomie of post-Soviet societies is regarded as a distinctive social phenomenon in which two systems of axiological norms – the formal (formalized) and the informal one – exist simultaneously and the boundaries of social norm and deviation are blurred. The article views various probable reasons of the conditioning of a system of social values and norms that are an alternative to the values and norms secured in legislation i.e. "formalized": The immaturity of the value system in post-Soviet societies, the anomie of the very Soviet society, the unformed and unworked practice of observing laws in the post-Soviet

society, and, finally, the fact that following the law in post-Soviet society is not a value. Also the article suggests potential methods of overcoming the state of social anomie and establishing a new axiosphere.

Keywords: social anomie, post-Soviet society, axiosphere, social norm, deviation, social values, state, citizen, civil society.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Одной из определяющих характеристик так называемого «постсоветского пространства» является ситуация социальной аномии. Термин «аномия» (буквально означает «беззаконие», «безнормность») в трактовке Э. Дюркгейма описывает ситуацию переходных периодов развития общества, экономических, социальных, политических кризисов. Аномия – «состояние разрушенности, ослабленности нормативной системы общества», которое вызывается резкими изменениями, скачками в развитии — периодами упадка и расцвета [1, 71]. Дюркгейм пишет свою работу в конце XIX века, позднее понятие аномии развивает Р. Мертон. Мертон изучает аномию на примере американского общества тридцатых годов XX века, переживавшего в то время экономический и социальный кризис. Одной из основных причин аномии, описанных Мертоном, является невозможность согласовать цели, одобряемые обществом, и возможные пути их достижения. Рассогласование между социально одобряемыми целями и доступными индивиду путями их достижения приводит, среди прочего, к поиску альтернативных путей достижения целей, причем пути эти, как правило, не являются социально одобряемыми и плохо согласуются с законом.

РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРОБЛЕМЫ

Общим в концепциях Дюркгейма и Мертона является, на наш взгляд, то, что состояние «безнормности» интерпретируется ими преимущественно в контексте девиантного поведения (преступности, суицида, алкоголизма и т.д.). Мертон называет преступность «нормальной реакцией нормальных людей на ненормальные условия» [4]. Термин «аномия» использовался преимущественно для изучения причин отклоняющегося поведения, для изучения феномена девиации в широком смысле. Причиной «безнормности», «социальной дезорганизации», развивающейся в кризисных обществах, считалось, в трактовке Р. Мертона, расхождение между социально одобряемой целью и возможными способами ее достижения, а в более ранней трактовке Э. Дюркгейма – индустриальные кризисы, конфликты между трудом и капиталом. Однако, применяя термин «аномия» к современным реалиям постсоветских обществ, мы вынуждены переосмыслить смысловое наполнение данного термина, уйти от понятия «отклоняющегося поведения», которое предполагает, так или иначе, наличие некоторой нормы, представленной в обществе большинством социальных субъектов, к понятию «системного социально-нормативного кризиса». Предлагая это понятие, мы имеем в виду такое состояние общества, при котором нарушение социальных правил и норм (фактически, девиантное поведение) является повсеместно распространенным и социально одобряемым. Сохранение видимости нормального функционирования общества в условиях системного социально-нормативного кризиса осуществляется за счет одновременного существования двух «измерений» ценностно-нормативной системы общества, речь о которых пойдет ниже.

Под социальной аномией мы будем понимать особое состояние социально-культурного пространства, при котором наблюдается значительное расхождение между законодательно зафиксированными нормами и правилами поведения – с одной стороны, и принятым в обществе, социально одобряемым поведением субъектов – с другой. В неаномичном социуме, которое можно условно назвать «здоровым», законы не расходятся (или слабо расходятся) с социальной практикой субъектов, в аномичном же социуме, каковым является общество постсоветского пространства, закон, как правило, оторван от актуальных социальных реалий и нужд общества, что приводит социальных субъектов к необходимости прибегать к одобряемым обществом и востребованным способам «обойти» закон.

Трактую, вслед за Дюркгеймом, аномию как состояние ослабленности нормативной системы общества, мы склонны делить нормативную систему общества на две значимые части: *формализованные социально-политические нормы* (официальные законы и предписания, опирающиеся на декларированную государством систему ценностей) и *неформализованную ценностно-нормативную сферу общества* (реализующуюся в повседневной поведенческой практике социальных субъектов). В постсоветских обществах

(специфику которых мы рассматриваем на примере России и Украины: не в контексте политических коллизий, а по причине возможности включенного наблюдения за разными аспектами жизни этих стран) социальная аноμία приобрела, на наш взгляд, особую форму, при которой *параллельно существуют две системы норм и ценностей*: формализованная и неформализованная, или, иными словами, «официальная» и «неофициальная».

Пользуясь терминологией Мертонa, можем сказать, что имеет место *инновативное приспособление к ситуации безнормности*, но на уровне не отдельного человека (когда этот случай был бы признан девиацией), а *целого общества*, когда речь идет уже не об отклоняющемся поведении (т.к. трансформируется понятие нормы, смещаются «координаты» нормы и девиации), а об *альтернативной ценностно-нормативной системе*. Социально одобряемые, но слишком высокие цели, недостижимые «законными» путями (например, высокое финансовое положение), достигаются незаконными, но распространенными, известными, отработанными и социально одобряемыми методами. Такая схема действует не только на «высоких уровнях», действительно труднодостижимых; она существует повсеместно, она включена в структуру повседневной социальной жизни, на уровне граждан, нуждающихся в получении справок и других документов, которые проще купить, чем получить легальным путем, желающих избежать предписанных законом финансовых взысканий, желающих получить место в переполненном детском саду, примеров множество. В постсоветских странах подобные явления принято описывать широким термином «коррупция» (причем акцент, как правило, делается на низовой коррупции, при этом вершинная коррупция процветает наравне с низовой), однако коррупция, являясь, безусловно, частью ситуации социальной аномии, выступает всего лишь одним из элементов системного социально-нормативного кризиса современных постсоветских обществ. «Борьба с коррупцией», которая ведется на территории России и Украины и является частью большинства предвыборных программ, имеет все шансы быть бесконечной и безуспешной. Причина не только в том, что борьба ведется скорее номинальная, чем реальная, и жертвы «антикоррупционных мер» редко бывают случайными; дело, по нашему мнению, именно в параллельном существовании двух систем, описанных нами выше: формализованных социально-политических норм (законов, правил, схем) и неформализованной ценностно-нормативной сферы общества. Грубо говоря, коррупцию поддерживает само общество, сами граждане, выбирая пути «в обход» законов и официальных схем. То, что запрещено «формальным» законом, «разрешено» нормами повседневной общественной жизни. *Отклоняющееся поведение становится, таким образом, социально одобряемым поведением, общественной нормой.*

Это происходит, по нашему мнению, по ряду причин, самая очевидная из которых (и, возможно, наименее влиятельная) – *крах советской аксиосферы*, за которым не последовало формирования новой. Современное «бездуховное», «аморальное состояние общества», на которое сетуют люди старшего поколения, – не «капиталистическое», а уникальное постсоветское, созданное на стыке ценностно-нормативной системы позднесоветской эпохи, криминализованных ценностей «девяностых» и неотрефлектированных «западных» ценностей (принятых выборочно, сводящихся к высокому материальному уровню жизни, отдельным элементам массовой культуры и т.д.).

Итак, ***первая причина формирования системы социальных ценностей и норм, альтернативных законодательно закрепленным, «формализованным» ценностям, – несформированность системы ценностей в постсоветских обществах.***

Говоря о других причинах, можем назвать особое отношение к государству (и, следовательно, – законам), установившееся в постсоветских странах. Это *отношение, при котором государство воспринимается преимущественно как репрессивный аппарат*. Безусловно, оно является наследием советской эпохи, когда репрессивная функция государства сочеталась с патерналистской опекой с его стороны; с этой точки зрения современное государство для среднего гражданина «хуже» советского, поскольку, при сохранении репрессивной функции, отсутствует патерналистская опека, на смену которой приходят законы рынка. Неудивительно поэтому искренняя ностальгия известной части граждан современных постсоветских государств по советскому периоду и опеке со стороны государства, на фоне которой репрессии советского периода кажутся незначительной проблемой для «простого человека», отступают на второй план. Отношение к государству как к «враждебному», подавляющему органу, на который «простой человек» не имеет никакого влияния, встречается не только среди старшего поколения, но и среди молодежи; государство воспринимается как репрессивный аппарат, а закон – *не как способ*

урегулирования общественной жизни, а как способ репрессии гражданина, ограничения его свободы.

Описанное выше отношение к государству отчасти оправдано тем, что законы постсоветских государств расходятся с запросами общества (имеются в виду, в частности, запросы на реформирование законов, регулирующих важные отрасли общественной жизни, – медицину, образование, социальное обеспечение) и актуальными социальными реалиями. Законы в постсоветских государствах создаются не для того, чтобы регулировать значимые стороны социальной (социально-культурной, социально-политической и т.д.) жизни в соответствии с актуальными общественными запросами и нуждами, а для достижения других (бюрократически-значимых) целей, среди которых – достижение личных и корпоративных интересов чиновников, поддержание функционирования государственного аппарата и отдельных его частей.

Еще одной причиной формирования альтернативной ценностно-нормативной системы аномичного постсоветского общества является, по нашему мнению, *аномичность самого советского общества* и, соответственно, – многолетняя практика «обхода» законов, норм и правил, существовавшая во всех сферах советской общественной жизни. Граждане, привыкшие, что законы и предписания существуют для того, чтобы их обходить, приспособившиеся к существованию «теневой стороны» любой общественно-значимой сферы, будь то сферы торговли или услуг (в современных постсоветских странах сюда можно отнести и государственные услуги), сфера социального обеспечения и т.д., с трудом воспринимают иные трактовки закона, иную законодательную практику. Словосочетания «по знакомству», «по блату», «из-под прилавка» относятся именно к советскому времени, во множестве художественных фильмов и книг запечатлена эта сторона советской эпохи, двойственность законов советского общества (и своего рода «двойственность жизни» советских граждан).

Рассуждая об аномии в Советском Союзе, можно назвать множество причин, ее вызвавших (плановая экономика во всем многообразии ее недостатков, железный занавес, несоблюдение Конституции и многое другое), среди которых важнейшая, по нашему мнению, – патернализм. Патернализм как неограниченная власть государства над гражданином, диктат моделей общественной и частной жизни, поставленная во главу угла необходимость подчиняться – от детского сада и до могилы, и все это – в обмен на гарантию обеспечения государством преимущественно базовых, витальных потребностей, – безотказный способ вырастить личность, способную соблюдать законы, быть социально-адекватной только при наличии постоянного надзора свыше, неспособную нести ответственность за свои поступки. Гражданин, выращенный в условиях патернализма, инфантилен, как инфантильно и общество, долгое время существовавшее в этих условиях: малейшее ослабление надзора и контроля приводит к несоблюдению законов, норм и правил. «Праздник непослушания» в масштабе целой страны, наступивший после развала СССР, был, с этой точки зрения, закономерностью. Усугубила ситуацию разрушенная аксиосфера, о которой мы упоминали выше, а также финансовый кризис, на фоне которого на некоторое время установилась аномия «по Мертону»: конфликт между высокими стандартами жизни (заданными, по большей мере, «извне», пришедшими из Западного мира) и социально одобряемыми способами их достижения.

Возвращаясь к анализу **причин формирования** альтернативной ценностно-нормативной системы аномичного постсоветского общества, назовем **еще одну, третью**. В постсоветском обществе до сих пор *не сформирована, не отработана практика соблюдения законов*; этому препятствуют и запутанные бюрократические процедуры, которые «проще обойти, чем пройти», и тот факт, что способы действия «в обход закона» широко распространены в повседневной социальной и политической практике. Коррупционность большинства социальнозначимых сфер нередко видится среднему человеку скорее благом, чем злом: «альтернативная» система норм прозрачна и понятна обывателю, следование же букве официального закона видится пугающим, сложным, отнимающим время и силы, и, в перспективе, – опасным из-за высокой вероятности не получить искомое.

Следование закону в постсоветском обществе не является ценностью, что усугубляет ситуацию аномии и является, по нашему мнению, **четвертой причиной** формирования системы социальных ценностей и норм, альтернативных законодательно закрепленным. Индивид постсоветского пространства, воспринимающий государство как враждебный, репрессивный элемент (а также – живущий в постпатерналистском обществе; негативные аспекты патернализма мы рассматривали выше) следует законам

преимущественно там, где государство действительно контролирует их соблюдение. Не имея на данном этапе исследования статистических данных, можем предположить (по результатам наблюдения за поведением граждан, а также индивидуальных бесед с ними), что возможность не соблюдать закон гражданином постсоветских государств не только ценится (как преимущество жизни в постсоветской стране), но и расценивается как проявление свободы. Сами законы, в свою очередь, воспринимаются как инструмент ограничения свободы, подавления индивидуальной воли – как отдельного человека, так и социальных групп. Возможность безнаказанно обойти официальный закон, правило или норму воспринимается большинством наших сограждан как ценность, как преимущество жизни в постсоветском обществе.

Воспринимая законы как инструмент репрессии, ограничения свободной воли индивида, а государство – как подавляющий орган, граждане постсоветских государств с опаской смотрят в сторону современных западных обществ, где соблюдение законов членами общества отслеживается бдительными согражданами, устройствами электронного наблюдения, с помощью технических средств. Западное общество воспринимается как территория «тотальной несвободы», информационного тоталитаризма, как Паноптикон Бентама – «тоталитарная и негуманная пенитенциарная модель» [2], как бесконечное дисциплинарное пространство, «территория надзора», не имеющая ничего общего с декларируемыми Западом либеральными ценностями, центральные из которых – права и свободы человека. Наш соотечественник, наблюдая подобное положение дел, не может не проводить параллелей с тоталитарным прошлым собственной страны.

Всевидящее государство, непрерывно и невыборочно контролирующее соблюдение гражданами законов (и готовое обеспечить нарушителям причитающееся им наказание), отсутствие альтернативных официальному закону способов избежать этого наказания (взятка, связи, другие схемы действия в обход закона) – ситуация, пугающая граждан постсоветских стран. Граждане, имеющие травму тоталитарного, патерналистского прошлого, не могут воспринимать законы западных обществ так, как их следует воспринимать, – как инструмент регулирования значимых сторон жизни общества (экономической, политической, культурной, социальной), как способ защиты граждан, как способ обеспечения безопасности жизни (наказания виновных и пресечения дальнейших нарушений). Адекватно воспринимать законы западных стран человеку постсоветского пространства действительно сложно: это не только травмы «советского периода» и «лихих девяностых», не только несовершенства законодательной и исполнительной систем современных постсоветских государств, это еще и коррумпированность судов, в особенности – крайне низкий процент оправдательных приговоров, так называемое «обвиняющее правосудие» [3], «избирательное правосудие».

Объясняя сложившуюся ситуацию, мы можем выделить **два «полюса» проблемы социальной аномии в специфически-постсоветской ее форме**: государственный аппарат во всем многообразии его структурных элементов и несовершенств функционирования – с одной стороны, и граждане (с опытом жизни в тоталитарном и патерналистском государстве, с особым пониманием роли государства в жизни общества и, что самое важное, – с особым пониманием закона) – с другой.

Важность закона в жизни общества значительнее, чем кажется на первый взгляд. Верховенство закона – ключевой элемент перехода от «закрытого» общества советского образца к «открытому» обществу. В «Письме русским читателям» (1992) [5, 9], предисловии к русскому изданию «Открытого общества», К.Поппер пишет: «Я хочу поделиться с моими русскими читателями некоторыми мыслями о главной идее открытого общества — идее власти закона. Мне кажется, что именно эта идея сейчас очень важна для читателей в России, пусть даже воплотить ее в жизнь чрезвычайно трудно. Власть закона: самая насущная потребность России» [5, 9]. Поппер пишет, не употребляя слово «аномия», о том, о чем мы упоминали выше: «Воплотить в жизнь хорошее законодательство, превратить его в высшую власть в стране еще сложнее, чем его создать. Особенно трудна эта задача для России, которая на бумаге уже имела хорошие законы, оставшиеся, к несчастью, бессильными и неиспользуемыми. Изменение этой печальной традиции и установление власти закона — это задача государства» [5, 11]. Под Россией Поппер имеет в виду, очевидно, бывший Советский Союз.

По мнению Поппера, для изменения этой ситуации государство должно подготовить юристов, «принимающих законодательство всерьез», работников судебных органов, судей, частных адвокатов, государственных служащих, «воспитанных в духе служения объективной истине, интересам опирающегося на закон правосудия — и ничему более» [5, 11]. Подобные

меры на практике разобьются о тот факт, что воспитание таких юристов для достижения желаемого эффекта должно будет проводиться в условиях социально-культурного и политического вакуума, причем – с самого детства, потому что в противном случае агенты первичной социализации могут негативным образом повлиять на систему ценностей будущего юриста.

По нашему мнению, подобные меры «сверху», если и эффективны отчасти, то недостаточны для полноценного изменения общества, движения его в сторону «открытости» в значении Поппера (который под «открытым» обществом понимает «скромную форму демократического («буржуазного») общества, в котором рядовые граждане могут мирно жить, в котором высоко ценится свобода и в котором можно мыслить и действовать ответственно, радостно принимая эту ответственность» [5, 8]). Для преодоления аномии необходимы перемены в двух сферах, составляющим сейчас «полюса» проблем, о которых мы писали выше, это государственный аппарат и общественная сфера (граждане). Именно от граждан в большей мере зависят перемены в аксиосфере (несмотря на очевидную взаимосвязанность и единство «полюсов»).

Обоснуем последний тезис. Даже если предположить, что государственный аппарат (существующий во множестве взаимосвязанных структурных элементов и представленный отдельными лицами, находящимися в данный момент у власти) заинтересован в преодолении ситуации, которую мы назвали системным социально-нормативным кризисом, и будет принимать меры для преодоления этого кризиса, граждане, весьма вероятно, будут препятствовать этому процессу. Это будет происходить по причинам, описанным выше, главные из которых – то, что соблюдение закона не является ценностью для граждан, а также то, что жизнь в аномичном обществе в известном смысле «удобна» для большинства («двойная» система законов и норм – формальные и реальные – схема, понятная гражданам, в то время как строгое следование букве закона видится им бесчеловечным и пугающим). Эту ситуацию не преодолеть также путем ужесточения закона и усиления ответственности за его нарушения: в аномичном обществе подобные действия приведут, в первую очередь, к росту коррупции, в частности – усилится «избирательное правосудие»; кроме того, это никак не повлияет на систему ценностей граждан, на изменение гражданского сознания, и законы будут нарушаться впредь. Общество, имеющее многолетний опыт патернализма и «двойных законов», слабо поддается действию запретительных мер.

Преодоление социальной аномии в специфически-постсоветском ее воплощении – задача чрезвычайно сложная, и готовых рецептов быть не может, тем более что речь идет об уникальной исторической ситуации, и заимствование опыта зарубежных стран возможно со значительными оговорками и ограничениями. Кроме того, постсоветские государства на данный момент имеют свои социально-политические особенности, которые также необходимо учитывать, говоря о преодолении социальной аномии. Однако очевидно, что действия «сверху» будут малоэффективны без преодоления вершинной и низовой коррупции в государственном аппарате (а также без реорганизации работы этого аппарата – тема, достойная отдельного рассмотрения) и, что самое важное, – без формирования нового отношения к закону в обществе в целом.

Для того чтобы искоренить расхождение между формализованными законами и нормами и неформальной нормативной системой, закон и соблюдение закона должны восприниматься гражданами как ценность. Тут вспомним, что для постсоветского человека государство является репрессивным аппаратом, а закон – основным инструментом репрессии. Формирование «здорового», неаномичного отношения к закону должно осуществляться, прежде всего, путем реформирования законодательства: искоренения законов, не соответствующих актуальным нуждам общества, служащих целям коррупции, не имеющих целью совершенствование и упрощение социально-политической жизни общества. Чтобы общество воспринимало закон как инструмент регулирования общественной жизни, а не как способ усложнения (и без того непростой) жизни «простого человека», законы должны соответствовать нуждам, запросам общества.

Важный этап преодоления аномии – формирование здоровой системы ценностей, разделяемой обществом. Эта система ценностей существует в постсоветских странах сегодня, существовала она и в период СССР – в виде своеобразного «карго-культы» (или, в другой трактовке, – симулякра): ключевые элементы этой системы – человек, его жизнь и свобода – декларировались и номинально присутствовали в конституции СССР, но на практике велась борьба с инакомыслием, проводились политические репрессии по ряду признаков, среди которых – классовые, национальные, религиозные. Человек и его права

заявлены как ценности и в законах постсоветских стран, однако на практике мы наблюдаем обратное. Сегодня, как и в советский период, стержневым элементом системы ценностей является не человек, а государство; можно сказать, что социальная аномия, в виде расхождения между декларируемым и фактически наличествующим, начинается именно отсюда.

Ценность человеческой жизни и значимость свободы человека – идеи, присутствующие в социально-философской мысли со времен Локка, основа либеральной философской традиции. Однако настоящий вес этих вопросов мир воспринял вместе с уроками Второй Мировой войны: отвержение человека в качестве главной ценности может привести к ужасающим последствиям. Рефлексия последствий Второй Мировой войны происходила на Западе и в СССР по-разному, и, в конечном счете, вылилась в западном мире в примат прав человека, в идеологию толерантности и равенства, жесткий запрет дискриминации (расовой, гендерной, дискриминации меньшинств и т.д.), а в СССР – оформилась в культ Победы. Победа СССР над фашизмом, который сам по себе являлся преступлением против человека и человечества, свидетельствовала о том, что СССР, являясь главным противником фашизма, исповедует противоположные ценности, стоит на позициях гуманизма (это подкреплялось декларированием человека как центральной ценности советской идеологии). Попыток переосмысления внутреннего устройства советского общества в новом контексте послевоенного гуманизма не было. Вопросы ценности человека, его жизни и его свобод – не в номинальной, а в реальной аксиосфере СССР и постсоветского мира – так и остались открытыми.

Социальная аномия постсоветских обществ начинается с аномичной аксиосферы, с расхождения между ценностями, заявленными на уровне государства и повседневной социально-политической реальностью. Декларируя человека, его права и свободы (статья 2, Глава 1 Конституции РФ), жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и свободу (статья 3, раздел 1 Конституции Украины) высшей ценностью, постсоветские страны на практике ставят во главу угла не человека, а государство. Соответствие декларируемых ценностей реальным можно проверить на практике: о ценности прав и свобод человека свидетельствует, в частности, независимая судебная система с адекватным процентом оправдательных приговоров, упрощенные бюрократические схемы, наличие сменяемой власти и т.д., о ценности жизни и здоровья человека свидетельствует уровень государственных расходов на медицину и социальное обеспечение, а также – уровень жизни в целом.

Подытоживая, подчеркнем еще раз, что аномия в постсоветском обществе – явление, отличающееся от описанных Дюркгеймом и Мертоном: это не просто «состояние безнормности», это также не отклоняющееся поведение, вызванное расхождением между одобряемой обществом целью и возможными способами ее достижения, это – феномен, который мы вкладываем в рамки понятия системного социально-нормативного кризиса, при котором девианты не отдельные индивиды, а все общество в целом, а отклоняющееся поведение является распространенным и социально одобряемым. Понимая девиацию как некоторое отклонение от социальной нормы, мы констатируем, что в постсоветских обществах трансформируется само понятие нормы, и система законов и норм существует в двух параллельных измерениях: официальном (формализованном, законодательно закрепленные нормы) и неформальном (нормы повседневной общественной жизни, социально одобряемое поведение), между которыми наблюдается существенное расхождение. В статье мы анализируем причины формирования системы социальных ценностей и норм, альтернативных законодательно закрепленным, и, в широком смысле, – причины специфически-постсоветской формы социальной аномии.

ВЫВОДЫ

Мы приходим к выводу, что расхождение между законодательно закрепленными нормами и социальной практикой наблюдается уже на уровне конституций постсоветских государств. Человек, его права и свободы, его жизнь, честь и достоинство, заявленные в конституции и, одновременно, – вынесенные за скобки социально-политической практики, должны стать не номинальными, а реальными ценностями, сформировать ядро новой аксиосферы, и это – важное условие преодоления аномии. Только такая система ценностей, разделяемая, прежде всего, гражданами, может обеспечить то, о чем мечтают и поклонники идеологии «сильной руки», и сторонники возрождения СССР, – высокий уровень жизни. Но подобная система ценностей предполагает, прежде всего, большую работу, которую предстоит провести каждому гражданину и обществу в целом: это обучение самоуважению, уважению к закону, изучение особенностей функционирования государства, изучение прав и

свобод человека и гражданина, но главное – это осознание собственной ответственности за происходящее в обществе, государстве и, наконец, – в мире.

Еще одно условие преодоления аномии – признание важности закона государством и гражданами, реформирование законодательной власти, изменение законов и отношения к закону; формирование принципиально нового для постсоветских граждан понимания того, что закон – инструмент не репрессии, а регулирования общественной жизни, и соблюдение закона обеспечивает, прежде всего, защиту каждого гражданина. Важно также осознать то, что государство – система, не внешняя по отношению к гражданину: граждане в состоянии влиять на государство и власть; эта идея – новая для общества, долгое время существовавшего в условиях патернализма, но без ее принятия и применения в повседневной социальной и политической практике преодоление ситуации аномии невозможно.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Афанасьев В. Эволюция концепции аномии в социологии девиантного поведения / В.Афанасьев // Рубеж (альманах социальных исследований). –1992. – № 2. – С.69-81
2. Ипполитова А.Г. Идеи совершенствования пенитенциарной системы в концепции Джереми Бентама / А.Г.Ипполитова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2012. – №3. – Т. 14. – С. 183-186.
3. Касаджик П. Обвиняющее правосудие / П. Касаджик // Новая Адвокатская Газета. – 2010. – № 8. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.advgazeta.ru/rubrics/13/451>
4. Мертон Р. Социальная структура и аномия / Р.К.Мертон // Социология преступности (Современные буржуазные теории). Перевод с французского Е.А.Самарской. Редактор перевода М.Н. Грецкий. – Москва: Издательство «Прогресс», 1966. – С. 299-313. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://scepisis.net/library/id_632.html
5. Поппер К. Открытое общество и его враги. – Т. 1: Чары Платона. /К.Поппер/ Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива». 1992. – 448 с.

REFERENCES

1. Aphanasjev, V. (1992). The evolution of the concept of anomie in the sociology of deviant behavior. *Rubezh*, 2, 69-81 (In Russian).
2. Ippolitova, I.G. (2012). The ideas of improving the prison system in the concept of Jeremy Bentham. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 3, 14, 183-186 (In Russian).
3. Kasadzhik, P. (2010). The accuses justice. *New Law newspaper*, 8. Retrieved from <http://www.advgazeta.ru/rubrics/13/451> (In Russian).
4. Merton, Robert. (1938). Social structure and anomie. *American Sociological Review*, October, 3, 672-682.
5. Popper, Karl. (1992). *The open society and its enemies*. Moscow: Pheniks (In Russian).